

Е. К. Николаева,
Е. И. Селиверстова

ЦЕННОСТНЫЙ АСПЕКТ В СОВРЕМЕННОМ ОСМЫСЛЕНИИ ХЛЕБА (НА ПРИМЕРЕ РУССКИХ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ)

ELENA K. NIKOLAEVA, ELENA I. SELIVERSTOVA
AXIOLOGICAL ASPECT IN CONTEMPORARY CONCEPTUALIZATION OF BREAD:
ON THE MATERIAL OF RUSSIAN PHRASEOLOGICAL UNITS

Елена Каировна Николаева

Кандидат филологических наук,
доцент

► elena_kairovna@mail.ru

Санкт-Петербургский
государственный университет,
Российская Федерация, 190034, Санкт-
Петербург, Университетская наб., 7–9

Elena K. Nikolaeva

Candidat of Philological Sciences,
Associate Professor

Saint-Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg,
190034, Russian Federation

Елена Ивановна Селиверстова

Доктор филологических наук,
профессор

► e.seliverstova@spbu.ru

Санкт-Петербургский
государственный университет,
Российская Федерация, 190034, Санкт-
Петербург, Университетская наб., 7–9

Elena I. Seliverstova

Doctor of Philology, Professor

Saint-Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg,
190034, Russian Federation

Представления о хлебе кристаллизовались у русских в ряде фразеологизмов — единиц культурного пищевого кода — как проявление ценностной этномаркированной парадигмы, вербализованной в языке. Обращение к материалам Национального корпуса русского языка позволяет представить картину речевого использования устойчивых выражений с компонентом *хлеб*, подтверждающую реальную востребованность единиц и характер их осмысления говорящими. Интерес вызван тем, что со временем трактовка оборота и оценочная составляющая значения могут изменяться: с одной стороны, происходит деаксиологизация прежней семантики, а с другой — появляется потребность в выражении дополнительных оттенков значения, в чем проявляется фразеологическая креативность носителей языка. Внимание уделено наиболее популярным у говорящих выражениям, извлеченным из базовых фразеологических словарей. Анализ материала показывает, что основные векторы осмысления образа хлеба находят отражение в его восприятии как «продукта», гарантирующего жизнь, признанию несомненной аксиологической ценности хлеба для носителей русского языка. При этом, во-первых, выявляются разные кванты культурной информации, составляющие основание образа, — информация религиозного свойства (*хлеб насущный, не хлебом единым*), гастрономического (*корка хлеба*) и этического (*встречать хлебом-солью*) характера и т. д. Во-вторых, функционирование фразеологических единиц с компонентом *хлеб* в современном дискурсе демонстрирует ценностную амбивалентность хлеба — он выступает то как символ крайне необходимого и высоко ценимого (*хлебом не корми*), то, наоборот, как номинация минимального, но недостаточного, с чем приходится мириться (*и то хлеб*). Это хорошо видно на примере устойчивого словосочетания *кусочек хлеба*, входящего в состав многих фразеологизмов: взяв его за точку отсчета, говорящие выстраивают целую шкалу ценностных ориентиров в определении чьих-либо доходов и преуспевания — от минимально необходимых (*делать что-либо за кусочек хлеба*) до вполне достаточных (*заработать на кусочек хлеба*) и, наконец, высоких (*зарабатывать на кусочек хлеба с маслом/икрой*).

Ключевые слова: компонент «хлеб», фразеологизм, ценностный аспект, национальный менталитет, современный дискурс.

The authors argue that Russian ideas about bread have found their expression in several set expressions, units of the food cultural code and manifestations of an axiological ethnically marked paradigm, which was verbalized in the language. By addressing to the National Corpus of the Russian Language one can present a picture of the speech use of set expressions containing the *bread* component, which confirms the real demand for these expressions and the nature of their conceptualization by the speakers. This topic is particularly interesting because

over time both the interpretation of a set expression and its axiology may change, showing the phraseological creativity of the speakers. On the one hand, the original semantics may undergo an axiological shift, and on the other hand, it may become necessary to express additional connotations. Special attention is paid to several most popular expressions, collected in phraseological dictionaries. The analysis of the material has shown that the basic vectors of conceptualization of *bread* are reflected in its perception as *the food product*, that guarantees life, and in the acceptance of its high axiological status by the speakers of Russian. First, it is possible to identify several elements of the cultural code connected to the image of bread, such as the religious one (*daily bread; not by bread alone*), the gastronomical one (*a crust of bread*) and the ethical one (*bread and salt*). Secondly, the examination of the function of phraseological units with *bread* in contemporary discourse has shown the ambivalence of bread which may symbolize either something very necessary and highly valued (*do not feed bread*) or something minimal and inadequate (*and that is bread too*). This situation can be observed using the expression *slice of bread* which serves as the component of several idioms: the speakers use it to construct an entire scale of values used to define one's income and prosperity, ranging from minimal needs (*to work for a slice of bread*) to self-sufficiency (*earn one's slice of bread*) and, finally, high (*earn for a slice of bread with butter/caviar*).

Keywords: component “bread”, idiom, axiological aspect, national mentality, contemporary discourse.

Введение

Участие фразеологизмов в вербальной презентации ценностей носителей культуры бесспорно. Они вовлечены в отражение представлений о вещах и явлениях — обычных и необычных, о нормах поведения людей и отклонениях от них, в процессы построения ценностной национально-маркированной парадигмы. Во фразеологических единицах (ФЕ) проявляется «культурное самосознание народа», составляющее основу его ментальности [Телия 1999: 15]. И. В. Зыкова в результате изучения специфики фразеологической концептуализации устанавливает и показывает связь между двумя уровнями в структуре фразеологического значения — поверхностным, собственно семантическим, и глубинным, или концептуальным. Последний, формируясь «под воздействием концептосферы культуры из разного рода культурных концептов» [Зыкова 2017: 375], составляет основу построения целостного значения ФЕ.

Русская пищевая традиция получила достаточно широкое освещение с позиций этнолингвистики (см. работы: [Грушко 2006; Гура 1977; Ка-

бакова 2009 и др.]) и продолжает быть объектом изучения для исследователей, иллюстрирующих в своих работах культууроотражающую и культууроформирующую силу языка [Березович, Пьянкова 2007; Левкиевская 2008; Сохань 2008; Устинова 2011 и др.].

Национальным духом овеваны самые разные предметы и явления окружающего мира, однако не удивительно, что хлеб не перестает привлекать внимание исследователей, особенно с позиций лингвокультурологии [Козлова, Гребенкина 2017; Комарова 2008; Кузнецова 2021; Маркова 2013; Синячкин 2003; Хлебда 2004 и др.]. Лексему *хлеб* среди других единиц, вербализующих один из наиболее ярко представленных в русской **фразеологии кодов** — пищевой (гастрономический) культурный код, — отличает то, что это неизменная ценность в жизни носителей русской культуры.

Социальная значимость хлеба проявилась, по мнению М. Л. Ковшовой, в его функции «устойчивого носителя культурных смыслов», в вовлечении в ритуалы и обряды и т. д. [Ковшова 2010]. С хлебом связывают широту русской души, щедрость (*хлебосольство*) и, наоборот, их отсутствие (ср.: *попрекать куском хлеба*) [Манчев 2013]; с ним ассоциируется представление о благополучии [Зализняк, Левонтина, Шмелев 2005]. Однако, при сохранении в целом значимости лексемы *хлеб* как вербализатора концепта и достаточной стабильности употребления основного массива востребованных говорящими устойчивых единиц, наблюдаются некоторые изменения в восприятии семантического и аксиологического содержания отдельных выражений.

Предпринимаемый анализ современных контекстов употребления фразеологических единиц с компонентом *хлеб* позволяет получить представление о его сегодняшнем участии в реализации аксиологической концепции мира, о том, сохраняется ли у современников прежнее представление о хлебе как мере ценности многих вещей.

Анализ материала

Анализ контекстов Национального корпуса русского языка показывает, что хлеб — наивысшая ценность. Это подтверждается клятвенным

заверением в достоверности произнесенных слов, построенным на образе хлеба как священного для того, кто уверяет, клянется. Клянясь, человек упоминает то, утрата чего была бы для него невозможной; это «экспрессивная гарантия искренности говорящего» [Маслова 2011: 414]: — *Я ведь вообще яблок года три в упор не видел. Верить? Ну, хлебом клянусь!* — громко бубнил набитым ртом. [Павлов О. Карагандинские девятины, или Повесть последних дней // Октябрь, 2001]¹. *Хочу, чтобы наши бакинские армяне вернулись <...> и чтобы отношения между людьми стали как прежде. Хлебом клянусь». Он коснулся лепешки, лежащей на столе* [Город, унесенный ветром // Итоги. 09.03.1996]. Говорящий счел более надежным усилить звучание своих слов, коснувшись хлеба, лежащего на столе.

Традиция встречать дорогих гостей караваем хлеба с солью издавна служила демонстрацией гостеприимства, уважения, готовности поделиться самым ценным для человека, поскольку хлеб и соль — это не только угощение и основная традиционная пища человека, это ‘символ гостеприимства, согласия, домашнего благополучия, достатка’ и т. д. Предметный код культуры дал жизнь и его вербальному воплощению: *хлеб-соль*. Как пишет А. В. Гура, в семантике комплекса соединились сакральность хлеба и апотропеические свойства соли, к которым добавились новые — результат их функционирования как неразрывного целого, но при ведущей роли хлеба (русское: *без соли и хлеб не естся; помяни соль, чтоб дали хлеба*; польское: *sól do chleba, a nie chleb do soli się daje*, т. е. ‘соль к хлебу, а не хлеб к соли дается’ [СД 5: 434]). *По древнему обычаю хозяева встречали именитых гостей на каждой площадке (крыльце) Красной лестницы: «...со перва крыльца поклон вели, со другого хлебом-солью встречали, со третьего вино-брагу подносили»* [Гращенков А. Красное крыльцо — главный вход во дворец // Наука и жизнь. 2008]. Хлеб и соль имели символическое, ритуальное значение у многих народов, хотя вербальный комплекс *хлеб-соль, хліб-сілі* встречается только в восточнославянских языках: накрывая стол, ставили сначала именно хлеб-соль [СД 5: 435]. Это выражение находит структурно-семантические параллели не только в славянских, но и

в уральских и алтайских языках [Пачаи 1995:100].оборот *встречать хлебом-солью* используется сейчас и в отсутствие особым образом организованной процедуры встречи — в значении ‘проявлять радушие’: *Сейчас брачные объявления публикуют газеты самые добродушные, встречающие читателя хлебом-солью, перцем и изюмом, а не моралистической указкой* [Пищикова Е. Пятиэтажная Россия (2007) // Русская Жизнь. 2008].

Сравнение каких-либо продуктов питания с хлебом подчеркивает их высшую оценку как важного средства пропитания для человека: *Ну, если картошке возводить монумент неловко, следует увековечить память о людях, которые ее внедряли на русской земле. Картофель называют вторым хлебом* [Редичев С. Огород — наш спаситель // Наука и жизнь. 2006]. Однако, называя «жидким хлебом» пиво, говорящие имеют в виду не только его питательные свойства, калорийность, но и природу напитка, который готовится на основе ячменя: *Думаю, однако, что куда правильнее было бы назвать Мюнхен пивной столицей, потому что именно напиток, именуемый также «жидким хлебом», поистине возведен тут в культ* [Овчинников В. В. Своими глазами. 2006]. Сложнее определить намерение говорящего, поставившего знак равенства между жидким хлебом и коньяком: *Послушно кивала головой, искала социальные корни героев, соглашалась, что коньяк — это жидкий хлеб* [Сурикова А. Любовь со второго взгляда. 2001]. Трудно сказать, имеются ли в виду высокая калорийность напитка, вкусовые приоритеты героя, частота употребления напитка или что-то иное, но совершенно очевидно, что выражение *жидкий хлеб* получило в языке свойства позитивно-оценочного клише.

Несомненную ценность хлеба акцентирует весьма своеобразным способом один из наиболее частотных оборотов *кого-либо хлебом не корми*, сопровождаемый обычно устойчивой синтаксической конструкцией с императивом *дай* и инфинитивом глагола: ‘О сильном пристрастии, увлеченности кого-либо чем-либо; о стремлении получить, осуществить желаемое’ [Русская фразеология 2005: 731]. При этом ФЕ построена на допуске отказа от хлеба как необходимого

условия существования в пользу чего-либо иного, страстно желаемого: *Любил он, стервец адреналиновый, рискованно балансировать на самом краю с графоманией. И ведь не боялся же, отчаянный! Хлебом его не корми* — только ему покрокодиличничать, нас вволю попугивая [Володин В. Повесть временных лет // Волга. 2009]. Интересен пример усиления аксиологического звучания поговорки за счет уточнения «качества» хлеба: *Юриного брата хоть белым хлебом не корми, но дай поговорить о коллективной безопасности, или кознях Ватикана, или о чем-нибудь в этом роде* [Искандер Ф. Мой кумир. 1965–1990]. Примеры показывают, что использование ФЕ часто выражает неодобрение поступков и неоправданного навязчивого желания субъекта. Ср. спектр порицаемых действий: *А русского человека хлебом не корми — дай поглядеть, чем сосед занимается* [Лукин Е. Клопики. 2013]; *Знаю, что есть определенная категория людей, которых только хлебом не корми, а дай только показать свою фантазию на пустом месте, покликунуться* [коллект. форум: В Москве приняты особые меры по профилактике кори. Что будет? (2012)]; — *Анна Петровна, миленькая, вы нас просто спасли! — с чувством поблагодарил ее Валентин. — Какое разочарование для Нелли Сергеевны... — Да уж, Нельку хлебом не корми — дай пособачиться, — согласилась Анна Петровна* [Полетика М. Однажды была осень. 2012]; *Власть, и светскую и духовную, хлебом не корми, дай только поуправлять заблудшими душами* [Кучерская М. Современный патерик: чтение для впавших в уныние. 2004]. Между тем словарные дефиниции не отмечают отрицательных коннотаций этого оборота: в приведенном комментарии хлеб рассматривается «как символ самого необходимого для жизни, от которого человек готов отказаться ради любимого занятия, достижения заветной цели» [Русская фразеология 2005: 732]. Напротив, подчеркивается, что речь идет о высоких духовных запросах, что не находит подтверждения в современных контекстах и позволяет констатировать изменение аксиологического диапазона выражения. Примечательно, что с компонентом *хлеб* при полном совпадении семантики конкурируют в этом обороте и иные единицы га-

строномического кода, которые, вероятно, можно рассматривать как трансформации исходного словосочетания *хлебом не корми*: — *Можно алкоголиков покритиковать — они это любят. Медом не корми, дай...* — *Нет, не сумею* [Шукшин В. Владимир Семенович из мягкой секции. 1970–1974]. У В. М. Шукшина это выражение встречается неоднократно.

Замены денотативного характера, иными единицами гастрономического кода — компонентами, оправдано личностью характеризуемого субъекта и его вкусовыми предпочтениями: для мальчишек это пряники, для фронтовика времен Отечественной войны — каша (*Его кашей не корми — дай только побольше фронтовых хлопот и забот* [Бубеннов М. Белая береза. Части 3–6. 1942–1952]); для немцев, согласно расхожему стереотипу, — сосиски: *Немцы же вандерн любят больше всего. — Ага, сосисками не корми, джай повандеровать, — подтвердил Юраш* [Гиглашвили М. Чертового колесо. 2007]. Если речь идет о домашних питомцах, то весьма уместным кажется введение компонента *мясо*. Целая серия фотографий «хулиганистых» животных, наносящих урон своим хозяев, объединена заголовком «*Мясом не корми — дай подпортить жизнь своим владельцам*»².

Наличие хлеба в сочетании с водой воспринимается, выражаясь современным языком, как своего рода «прожиточный минимум», необходимый для выживания набор, а его отсутствие ставит жизнь под угрозу: *Если Индия создаст свою атомную бомбу, значит, и нам придется сделать свою, даже если ради этого нам придется сидеть на хлебе и воде*. [Дятликович В., Веселов А. Денис Родман спасает мир // Русский репортер. 2013]. Выражение упоминается в первой половине XVIII в. и связано с наказанием, выражающимся в ограничении пищи, голоде (*сажать на хлеб и воду; кормить хлебом и водою*) [Русская фразеология 2005: 730].

Следует заметить, если в Библии *хлеб и вода* оцениваются положительно, как необходимые для жизни, спасительные: *Ведь они не встречали вас на дороге с хлебом и водой, когда вы шли из Египта* [Библия. Современный перевод Книги Священного Писания Ветхого и Нового За-

вета. Канонические. Ветхий завет. Пятая книга Моисея. Второзаконие. 2011], то сейчас выражение *сидеть на хлебе и воде* значит ‘бедствовать, иметь стесненные материальные обстоятельства’: *Переучилась на агента по продаже недвижимости. Полгода просидела «на хлебе и воде», работая за чисто символический процент от сделки* [Шубин А. Путь к благополучию. 2000]; *Мама <...> получала стипендию 320 рублей. Получалось, что на «Москвича» они могли скопить месяцев за шесть. Если отказывать себе буквально во всем и сидеть на хлебе и воде.* [Грозмани Ю. Как мы удирали от атомной бомбы // Калининградские Новые колеса. 11.26.2004]; *держат кого-либо на хлебе и воде*, т. е. на скудном пайке, впроголодь.

Вероятно, не без влияния этих оборотов с закрепившимся статусом символа почти бедственного положения с пропитанием произошло вытеснение в наши дни компонента *квас* из фразеологизма *перебиваться с хлеба на квас* (‘бедствовать, жить впроголодь’) [БСРП 2007: 713]. Вместо привычного ранее (ср.: *Надоело жить в дворниках да перебиваться с хлеба на квас* [Кошко А. Ф. Очерки уголовного мира царской России. Кн. 3. 1928]) сейчас в сочетании с глаголом *перебиваться* встречаются исключительно *хлеб* и *вода*: *Суть его проста: работодатели должны делиться своими доходами с работниками, чтобы последние могли жить достойно, а не перебиваться с хлеба на воду* [Делиться будем? // Время МН. 2003]; *Конечно, в такой обстановке в институте могут работать практически одни пенсионеры, которые научились перебиваться «с хлеба на воду»* [Максимов В. И. Дневник научного сотрудника. 2006] и др.

С помощью ФЕ и *то хлеб* в речи выражается, как правило, удовлетворение — пусть и минимальным, но хотя бы уже имеющимся в некотором количестве продуктом, начинающимся событием, проявляющимся свойством и т. д. Это «минимальное» противостоит тому, что желательно для говорящего в намного большем объеме для осуществления каких-либо планов, развития событий и т. п.: *Уезжая на Алтай с институтом, отнесу его в скупку вблизи зоопарка, получу какие-то гроши, но и то хлеб, а на Алтае какое же летнее паль-*

то, там мороз по 30–40 градусов. [Тахо-Годи А. А. Жизнь и судьба: воспоминания. 2009]; *Пришла телеграмма от брата: освобождают! Переводят в Ворошиловград. <...> Практически — ссылка, так как выезд оттуда не разрешался, но и то — хлеб!* [Алешин С. Встречи на грешной земле. 2001].

Отрезаемый (отламываемый) от целого кусок хлеба становится, как показывают примеры, устойчивой номинацией имеющегося/отсутствующего, зарабатываемого или получаемого пропитания. Примерно в 55 % контекстов НКРЯ (2805 контекстов, дата обращения: 15.07.2022) оборот *кусок хлеба* выступает в присущем ему значении ‘средство к существованию, пропитанию’ [БСРП 2007: 345]. Однако спектр синтагматических связей словосочетания *кусок хлеба* (ср.: *добывать кусок хлеба, биться за ... , думать о ... , терпеть (что-либо) из-за ... , остаться без ... , убить за ... , зарабатывать на ... и др.*) высвечивает семантические оттенки ‘малое’, ‘необходимое, важное’, ‘вынужденность’ и др. и, таким образом, показывает способность оборота к выражению значения ‘минимальное, жизненно необходимое пропитание’ (ср. пословицу *Как хлеба ни куска, так и в тереме тоска*).

Показательно, что параллельно с выражением *кусок хлеба* в минимизирующем значении используется словосочетание *ломоть хлеба* с его библейской подоплекой³: *Мы понимали великую цельность нашего яростного, коварного и беспощадного друга — барса Революции. Десять лет я делил с Кобой одну постель, один ломоть хлеба и одну ссылку* [Радзинский Э. Наш Декамерон. 1980–1990].

Значение ‘минимально необходимые средства для жизни’ реализуется прежде всего в выражениях *делать что-либо за кусок хлеба, делиться куском хлеба*.

Здесь часто используются экспрессивные глаголы типа *батрачить, вкалывать* и др., подчеркивающие контраст между трудозатратами и величиной заработка и неодобрительное отношение к вынужденному труду: *Жили тем, что батрачили за кусок хлеба* [Михальский В. Прощеное воскресенье // Октябрь. 2009]. Нередки контексты, где названы конкретные виды деятельности, на которые люди обречены ради выживания, в том

числе тяжелые или неблагоприятные занятия, скудно оплачиваемые: *У многих лицеистов родственники жили в голодающих деревнях и рассказывали жуткие подробности этого голода — доходило и до детской проституции — за кусок хлеба, и до людоедства* [Кучерская М. Тетя Мотя // Знамя. 2012]; *Женщин, продающихся за кусок хлеба, ты можешь понять и простить* [Козырева Е. Дамская охота. 2001].

Выражение *делиться куском хлеба*, нередко сопровождаемое определением *последним*, особенно подчеркивает готовность кого-либо делиться имеющимся малым, проявляя человечность, добрую волю: *Именно казахи, которые сами еле сводили концы с концами, делились куском хлеба и, главное, морально поддерживали несчастных в драматические дни их жизни* [Память во имя будущего // Родина. 2010]; *В зале в жутких условиях сидят люди. На что опереться? На впечатления от того, что кто-то тебе помог. С тобой поделились последним куском, позволили передохнуть* [Скарлош С. Заложник навсегда // Русский репортер. 2014].

Замена компонента *кусок* словом *корка* (*корочка*) позволяет указать на еще более низкий уровень удовлетворяемых потребностей в еде (что хорошо иллюстрирует ФЕ с *хлеба на корку* со значением ‘о переменах в чьей-либо жизни в худшую сторону’ [БСРП 2007: 714]: *Ирина могла бы жить в пещере, есть корку хлеба в день, только бы знать, что у детей все в порядке* [Токарева В. Своя правда // Новый мир. 2002]. Говорящие в подобном случае прибегают и к упоминанию *крошки хлеба*, т. е. указанию на полное отсутствие еды: *...С шести утра до восьми вечера не получают пленные ни крошки хлеба, ни глотка* [Самсонов С. Одиннадцать. 2010].

Ценностная амбивалентность образа хлеба проявляется в способности словосочетания *кусок хлеба* выступать и в качестве нейтральной номинации заработка, и нередко заработка, достаточного для обеспечения вполне безбедного существования: *Глубокое сердечное спасибо за П. А. Струйскую, может быть, это и даст ей в будущем свой кусок хлеба* [Колмогоров А. Г. Мне доставшееся: семейные хроники Надежды Лухмановой. 2012];

Николай работал в газете «Коммунист» — тихое, спокойное место, сулившее кусок хлеба за не особо хлопотную работу [Андреева Ю. И. Многогочие сборки. 2009].

Обороты *лишиться куска хлеба* и *остаться без куска хлеба* достаточно прочно ассоциируются со значением ‘потерять работу, остаться без заработка’: *А сколько врачей осталось бы без куска хлеба, исчезни вдруг наркомания?* [Летов Г. Героиновая шкатулка // Еженедельный журнал. 04.08.2003]; *Охранник Леша пожаловался на то, что <...> чуть было не лишился куска хлеба: директор магазина, в котором Алексей охраняет товары народного потребления, застал его спящим на рабочем месте и пообещал в следующий раз уволить* [Гулин В. Проблемы спящего человека // Столица. 11.11.1997]; *Моя мама всегда говорит, что из того, что я делаю руками, а не на компьютере, можно смело создавать музей уродов и без куска хлеба наша семья никогда не останется: очереди на вход будут, как в Музей мадам Тюссо* [Маринина А. Ангелы на льду не выживают. Т. 1. 2014]. Интересно в связи с этим отметить оборот *хлеб отбивать* — ‘лишать кого-либо заработка или возможности заработка, берясь за ту же работу, дело, занятие и т. п.’ [Капелюшник 2021: 15].

Желая подчеркнуть большие финансовые возможности субъекта, носители языка расширяют компонентный состав привычного оборота, уже практически узуальным стало устойчивое словосочетание *кусок хлеба с маслом* (‘достойный заработок, приличные средства к существованию’): *Но у меня есть два сына, дочь, две снохи, зять — и все работают и на кусок хлеба с маслом имеют* [Вайнер А., Вайнер Г. Лекарство против страха. 1987]. Сейчас этот эталон воспринимается как весьма скромный: *Получить свой скромный кусок хлеба с маслом хочет куда более широкий круг россиян, чем оседлавшие «трубу» олигархи* [Восканян М. Люди и смыслы // Однако. 2009]. Неслучайно использование в составе оборота окказиональных интенсификаторов: *На том и жили, должен признать, не одно столетие... — Ближе к делу. — И хорошо жили. Я всегда имел свой кусок хлеба с двойным маслом* [Белянин А. Свирепый ландграф. 1999].

Введением наименований достаточно дорогих продуктов питания вербализуются уже следующие ступени по шкале финансового благополучия: *Миллионы женщин хотят быть красивыми, и, умело эксплуатируя их желания, можно заработать себе на кусок хлеба с сыром* [Донцова Д. Доллары царя Гороха. 2004]; *Лично я глубоко убежден, что труд, основанный на вере в свое дело, на чувстве локтя и на патриотическом идеале, гораздо эффективнее труда за кусок хлеба, пускай и с маслом и даже с икрой, на работодателя, к которому относишься с тайным презрением* [Вахитов Р. Партизанские рейды // Советская Россия. 08.15.2003] (см. об этом также: [Николаева, Селиверстова 2020: 459–471]).

Как видим, устойчивый словесный комплекс *кусок хлеба* с его широкой узуальной и окказиональной сочетаемостью весьма успешно эксплуатируется говорящими для выражения широкого спектра представлений о сфере материальной обеспеченности носителей русского языка и культуры.

Образ хлеба как основы жизнеобеспечения, дальнейшего воспроизводства (особенно ржаного хлеба) используется и в более широком смысле, уже не связанном с пропитанием. Это 'то, что составляет основу, на чем возвращается последующее': *Звезда всех телешоу Сергей Шаргунов объявляет книги свои и своих товарищей по литературному делу «черным хлебом» русской словесности («Новая газета»). Меж тем <...> далеко не пожилые люди еще помнят так называемую чернуху и приписанных к ней авторов* [Боровиков С. Г. А я люблю товарищей моих // Волга. 2015]. Поскольку *черный хлеб*, противопоставляемый *белому*, может рассматриваться как еда примитивная, без изысков, то с ним ассоциируются тексты авторов, пишущих о темных сторонах, «дурно пахнущих задворках жизни». И это происходит в том числе за счет метафорического осмысления определения *черный*.

Выводы

Несмотря на то что за пределами статьи остались другие широко употребительные выражения (*хлеб насущный, не хлебом единым жив человек*

и др.), показанные особенности речевого использования ФЕ позволяют говорить об основном векторе осмысления образа хлеба в современном дискурсе. Хотя лексема *хлеб* характеризуется многозначностью, в поговорках она участвует преимущественно в формировании ценностной составляющей значения 'то важное, основополагающее, что обеспечивает жизнь человека; средство к существованию', которое далее может варьироваться по шкале величины от минимума к максимуму. Неслучайно слова *жито* (название ржи, ячменя, а также всякого хлеба) и *жизнь* являются однокоренными, а компоненты *хлеб* и *жизнь* в отдельных выражениях взаимозаменяемы: *на жизнь (хлеб) хватает; и то жизнь (хлеб)*. Хлеб не только выступает символом еды и сытости, но и становится знаком обеспеченности (благополучия), мерилем ценностей. Это один из ядерных элементов пищевого кода, которые, по Т. В. Цивьян, «почти теряют собственное значение и приобретают значимость и новые валентности в пределах иной системы, связанной непосредственно с моделью мира» [Цивьян 2005: 10].

¹ Здесь и далее иллюстративный материал извлечен из основного подкорпуса Национального корпуса русского языка.

² <https://4tololo.ru/19-khuliganistykh-pitomcev-kotorykh-myasom-ne-kormi-day-podportit-zhizn-svoim-vladelcam> (дата обращения: 19.08.2022)

³ Ср.: *За горсть ячменя, за ломоть хлеба вы бесславите Меня перед Моим народом, предрекаете смерть тем, кто не должен умереть, и возвещаете жизнь тем, кто не должен жить! <...> Блуднице цена ломоть хлеба, а за чужую жену заплатишь жизнью* [Библия. Современный русский перевод Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. Канонические. Ветхий завет. Книга пророка Иезекииля. 2011].

ЛИТЕРАТУРА

Березович, Пьянкова 2007 — Березович Е. Л., Пьянкова К. В. Пищевой код в дискурсе игры. В сб.: *Язык и традиционная культура. Этнолингвистические исследования*. Екатеринбург: Индрик, 2007. С. 340–404.

Грушко 2006 — Грушко Н. Е. Гастрономический дискурс и функции языка (к проблеме регионального и жанрового варьирования). *Актуальные проблемы русистики. Языковые аспекты регионального существования человека*. Томск, 2006, вып. 3: 370–376.

Гура 1977 — Гура А.В. Из севернорусской свадебной терминологии. Хлеб и пряники (словарь). В сб.: *Славянское и балканское языкознание. Карпато-восточнославянские параллели. Структура балканского текста*. М.: Наука, 1977. С. 131–181.

Зализняк, Левонтина, Шмелев 2005 — Зализняк А.А., Левонтина И.Б., Шмелев А.Д. *Ключевые идеи русской языковой картины мира*: сб. статей. М.: Языки славянской культуры, 2005. 544 с.

Зыкова 2017 — Зыкова И.В. *Метаязык лингвокультурологии: Константы и Варианты*. М.: Гнозис, 2017. 752 с.

Кабакова 2009 — Кабакова Г.И. Родня за столом. В сб.: *Категория родства в языке и культуре*. М.: Индрик, 2009. С. 159–169.

Капелюшник 2021 — Капелюшник Е.В. *Кулинарный код культуры в семантике образных средств языка*: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2021. 21 с.

Ковшова 2010 — Ковшова М.Л. Лингвокультурологический анализ и ассоциативный эксперимент во взаимодействии: на примере фразеологизмов со словом-компонентом «хлеб». *Вопросы психолингвистики*. 2010, 2 (12): 165–175.

Козлова, Гребенкина 2017 — Козлова И.Е., Гребенкина И.Н. Образные выражения с наименованием «хлеб» во французском и русском языках: лингвокультурологический и дискурсивный аспекты. *Вестник ТГПУ*. 2017, 6 (183): 107–111.

Комарова 2008 — Комарова В.А. Приметы и запреты, связанные с хлебом, на русском севере. В сб.: *Пищевой код в славянской культуре: тезисы докладов международной конференции*. М., 2008. URL: http://www.inslav.ru/konf_2008food.html (дата обращения: 22.10.2023).

Кузнецова 2021 — Кузнецова И.В. Славянские устойчивые сравнения с компонентом — названием хлебобулочного изделия. *Языкознание*. 2021, (15): 211–230.

Левкиевская 2008 — Левкиевская Е.Е. Пища повседневная и пища ритуальная: механизмы переключения аксиологических кодов. В сб.: *Пищевой код в славянской культуре: тезисы докладов международной конференции*. М., 2008. URL: http://www.inslav.ru/konf_2008food.html (дата обращения: 22.10.2023).

Манчев 2013 — Манчев В.С. Русские и болгарские фразеологические единицы с компонентом «пища». В сб.: *Когнитивные факторы взаимодействия фразеологии со смежными дисциплинами*. Белгород, 2013. С. 89–94.

Маркова 2013 — Маркова Е.М. Хлеб да каша — пища наша (смысловое развитие древних названий пищи славян во фразеологии). В сб.: *Когнитивные факторы взаимодействия фразеологии со смежными дисциплинами*. Белгород, 2013. С. 94–98.

Маслова 2011 — Маслова А.Ю. Семантико-прагматические особенности речевого акта клятвы в сопоставительном аспекте (на материале русского, сербского и болгарского языков). *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского*. 2011, 6 (2): 414–417.

Николаева, Селиверстова 2020 — Николаева Е.К., Селиверстова Е.И. ХЛЕБ-ДА! (Хлеб как мерило качества жизни:

ассоциативный и фразеологический аспекты). В сб.: *Jezyk i pamięć*. Opole: Uniwersytet opolski, 2020. S. 459–471.

Пачаи 1995 — Пачаи И. *Ареальные аспекты парных слов в русском языке*. Ниредьхаза, 1995. 165 с.

Синячкин 2003 — Синячкин В.П. Лингвокультуремы концепта хлеб в русском языке и русской культуре. В сб.: *Русское слово в мировой культуре. Концептосфера русского языка: константы и динамика изменений: материалы X конгресса МАПРЯЛ*. СПб., 2003. С. 255–263.

Сохань 2008 — Сохань И.В. Архитектоника повседневности: пища. *Вестник Томского государственного университета*. 2008, (306): 39–45.

Телия 1999 — Телия В.Н. *Фразеология в контексте культуры*. М.: Языки русской культуры, 1999. 336 с.

Устинова 2011 — Устинова Н.Е. *Пищевой код традиционной культуры Среднего Приобья: этнолингвистический аспект*: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2011. 23 с.

Хлебда 2004 — Хлебда В. *Хлеб в народной культуре: этнографические очерки*. М., 2004. 413 с.

Цивьян 2006 — Цивьян Т.В. *Модель мира и ее лингвистические основы*. Изд. 3-е, испр. М.: КомКнига, 2006. 280 с.

ИСТОЧНИК

НКРЯ — *Национальный корпус русского языка*. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 22.10.2023).

СЛОВАРИ

БСРП 2007 — *Большой словарь русских поговорок*. Сост.: Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2007. 784 с.

Русская фразеология 2005 — *Русская фразеология. Историко-этимологический словарь*. Сост.: Бирих А.К., Мокиенко В.М., Степанова Л.И.; Мокиенко В.М. (ред.). 3-е изд., испр. и доп. М.: Астрель; АСТ; Люкс, 2005. 926 с.

СД 2012 — *Славянские древности. Этнолингвистический словарь*: в 5 т. Толстой Н.И. (ред.). Т.5. М.: Междунар. отношения, 2012. 736 с.

REFERENCES

Березович, Пьянкова 2007 — Berezovich E.L., P'iankova K.V. The food code in the discourse of game. In: *Iazyk i traditsionnaia kul'tura. Etnolingvisticheskie issledovaniia*. Ekaterinburg: Indrik Publ., 2007. P. 340–404. (In Russian)

Грушко 2006 — Grushko N.E. Gastronomic discourse and language functions (on the problem of regional and genre variation). *Aktual'nye problemy rusistiki. Iazykovye aspekty regional'nogo sushchestvovaniia cheloveka*. Tomsk. 2006, vyp. 3: 370–376. (In Russian)

Гура 1977 — Gura A.V. From the North Russian wedding terminology. Bread and gingerbread (lexicon). In: *Slavianskoe i balkanskoe iazykoznanie. Karpato-vostochnoslavijskie paralleli. Struktura balkanskogo teksta*. Moscow: Nauka Publ., 1977. P. 131–181. (In Russian)

- Зализняк, Левонтина, Шмелев 2005 — Zalizniak A. A., Levontina I. B., Shmelev A. D. *Key ideas of the Russian linguistic picture of the world*: Sb. Statej. Moscow: Iazyki slavianskoi kul'tury Publ., 2005. 544 p. (In Russian)
- Зыкова 2017 — Zyкова I. V. *The metalanguage of linguoculturology: Constants and Variants*. Moscow: Gnozis Publ., 2017. 752 p. (In Russian)
- Кабакова 2009 — Kabakova G. I. Relatives at the table. In: *Kategoriia rodstva v iazyke i kul'ture*. Moscow: Indrik Publ., 2009. P. 159–169. (In Russian)
- Капелюшник 2021 — Kapeliushnik E. V. *Culinary code of culture in the semantics of figurative means of language*: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Tomsk, 2021. 21 p. (In Russian)
- Ковшова 2010 — Kovshova M. L. The interaction between linguoculturological analysis and associative experiment: on the example of phraseological units with the component “bread”. *Voprosy psikholingvistiki*. 2010, 2 (12): 165–175. (In Russian)
- Козлова, Гребенкина 2017 — Kozlova I. E., Grebenkina I. N. Figurative expressions with the word “bread” in French and Russian: linguoculturological and discursive aspects. *Vestnik TGPU*. 2017, 6 (183): 107–111. (In Russian)
- Комарова 2008 — Komarova V. A. Signs and prohibitions related to bread in the Russian North. In: *Pishchevoi kod v slavianskoi kul'ture: Tezisy докладov Mezhdunarodnoi konferentsii*. Moscow, 2008. Available at: http://www.inslav.ru/konf_2008food.html (accessed: 22.10.2023). (In Russian)
- Кузнецова 2021 — Kuznetsova I. V. Slavic idiomatic comparisons with the name of a baked product as their component. *Językoznawstwo*. 2021, (15): 211–230. (In Russian)
- Левкиевская 2008 — Levkievskaia E. E. Everyday food and ritual food: mechanisms of switching axiological codes. In: *Pishchevoi kod v slavianskoi kul'ture: Tezisy докладov Mezhdunarodnoi konferentsii*. Moscow, 2008. Available at: http://www.inslav.ru/konf_2008food.html (accessed: 22.10.2023). (In Russian)
- Манчев 2013 — Manchev V. S. Russian and Bulgarian phraseological units with the component “food”. In: *Kognitivnye faktory vzaimodeistviia frazeologii so smezhnymi distsiplinami*. Belgorod, 2013. P. 89–94. (In Russian)
- Маркова 2013 — Markova E. M. Bread and porridge are our food: the semantic development of ancient Slavic words for food in phraseology. In: *Kognitivnye faktory vzaimodeistviia frazeologii so smezhnymi distsiplinami*. Belgorod, 2013. P. 94–98. (In Russian)
- Маслова 2011 — Maslova A. Iu. Semantic and pragmatic features of the speech act of oath in comparative aspect (based on Russian, Serbian and Bulgarian material). *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo*. 2011, 6 (2): 414–417. (In Russian)
- Николаева, Селиверстова 2020 — Nikolaeva E. K., Seliverstova E. I. KhLEB-DA! (Bread as a measure of the quality of life: associative and phraseological aspects). In: *Język i pamięć*. Opole: Uniwersytet opolski, 2020. P. 459–471. (In Russian)
- Пачаи 1995 — Pachai I. *Areal aspects of paired words in the Russian language*. N'ired'khaza, 1995. 165 p.
- Синячкин 2003 — Siniachkin V. P. The linguocultures of the concept of bread in the Russian language and Russian culture. In: *Russkoe slovo v mirovoi kul'ture. Kontseptosfera russkogo iazyka: konstanty i dinamika izmenenii: materialy X kongressa MAPRIAL*. St. Petersburg, 2003. P. 255–263. (In Russian)
- Сохань 2008 — Sokhan' I. V. Architectonics of everyday life: food. *Vestnik Tomskogo Gosudarstvennogo universiteta*. 2008, (306): 39–45. (In Russian)
- Телия 1999 — Teliia V. N. *Phraseology in the context of culture*. Moscow: Iazyki rus. Kul'tury Publ., 1999. 336 p. (In Russian)
- Устинова 2011 — Ustinova N. E. *The food code of the traditional culture of the Middle Ob' region: ethnolinguistic aspect*: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Tomsk, 2011. 23 p. (In Russian)
- Хлебда 2004 — Khlebda V. *Bread in popular culture: ethnographic essays*. Moscow, 2004. 413 p. (In Russian)
- Цивьян 2006 — Tsiv'ian T. V. *The world model and its linguistic foundations*. Izd. 3-e, ispr. Moskow: KomKniga Publ., 2006. 280 p. (In Russian)

SOURCE

НКРЯ — National Corpus of the Russian Language. Available at: <https://ruscorpora.ru> (accessed: 22.10.2023).

DICTIONARIES

БСРП 2007 — *A large dictionary of Russian proverbs*. Sost.: Mokienko V. M., Nikitina T. G. Moscow: Olma Media Grupp Publ., 2007. 784 p. (In Russian)

Русская фразеология 2005 — *Russian phraseology. Historical and etymological dictionary: approx.* Sost.: Birikh A. K., Mokienko V. M., Stepanova L. I.; Mokienko V. M. (red.). 3-e izd., ispr. i dop. Moscow: Astrel': AST: Liuks Publ., 2005. 926 p. (In Russian)

СД 2012 — *Slavic antiquities. Ethnolinguistic dictionary*: in 5 vols. Tolstoi N. I. (red.). Vol. 5. Moscow: Mezhdunar. Otnosheniya Publ., 2012. 736 p. (In Russian)